

**Источники знаний о прошлом:
античные историки в сочинениях авторов
Раннего Нового времени**

В современной историографии до сих пор нет обобщающей работы, содержащей сплошной анализ бытования античного историописания в XVI в. ни в Западной Европе, ни отдельно по странам. В имеющихся исследованиях, посвященных этой тематике, как правило, берется отдельная проблема, изложенная одним античным автором, и прослеживается формирование и развитие историографической традиции. Более того, в обобщающих трудах, посвященных историописанию, общим местом стала не совсем полная и точная оценка значимости античных историков в формировании историзма переходной эпохи. Например, «...круг источников всей этой мудрости крайне узок и повторяется из трактата в трактат: «Поэтика» Аристотеля; суждения о пользе истории, почерпнутые у Цицерона и Квинтилиана, Дионисия Галикарнасского; наставления как писать историю, принадлежащие Лукиану из Самосаты»¹.

Между тем, по сведениям профессора Лейпцигского университета Ф. Швайгера, с момента изобретения книгопечатания и по 1700 г. в Западной Европе находилось в обращении более 2 500 000 экземпляров печатных изданий сочинений античных историков². И среди них были – Саллюстий (553 000 экземпляров), Валерий Максим (198 000 экз.), Цезарь (189 000 экз.), Курций (179 000 экз.), Тацит (316 000 экз.), Ливий (160 000 экз.), Светоний (155 000 экз.), Флор (152 000 экз.), Юстин (73 000 экз.), Иосиф Флавий (141 000 экз.), Плутарх (62 000), Ксенофон (84 000 экз.), Геродот (44 000 экз.), Фукидид (41 000 экз.), Диодор и Дион (по 25 000 экз. каждый). В 1527 г. Дж. Бадий перевел на французский язык Фукидида, и это издание разошлось тира-

¹ Koselleck R. Historia Magistra Vitae // Natur und Geschichte. Stuttgart. Berlin. Köln. Mainz. 1967. S. 93.

² Schweiger F.L.A. Handbuch der classischen Bibliographie. 3 V. Leipzig, 1830–1834. V. 1, S. 72.

жом 1225 экз. Издания на латинском языке издавались тиражами поменьше, на греческом языке – совсем небольшими. Какова была динамика популярности античных историков, оцененная по интенсивности издания³:

1450 – 1599 гг. Саллюстий, Валерий Максим, Ливий

1500 – 1549 гг. Саллюстий, Валерий Максим, Цезарь

1550 – 1599 гг. Цезарь, Саллюстий, Ливий

1600 – 1650 гг. Тацит, Саллюстий, Флор

1650 – 1699 гг. Курций, Флор, Саллюстий

Освоение античного историописания было теснейшим образом связано с подготовкой переводов и комментариев к ним. Отношение к переводу постепенно изменялось уже в Средневековье – в XII в. появляются университеты: Болонья (1119), Париж (1150), Оксфорд (1167) и др. Латынь сближается по статусу с прочими европейскими языками. Увеличивается популярность светской переводной литературы. Священный трепет перед текстом сменяется интересом к его содержанию. Появляется взгляд на текст, как на нечто организованное по правилам определенного языка из-за оживления интереса к античным текстам.

Первое место среди переведенных на европейские языки книг в XIV в. имеют античные авторы – Вергилий, Овидий, Саллюстий, Тит Ливий. Особо следует отметить переводы на французский, сделанные Николем Оресмом: он не только перевел с латинского труды Аристотеля, но и снабдил текст комментариями, что способствовало развитию научной терминологии. XVI столетие с новой силой возбудило интерес к переводам на европейские языки. Занятие по переводу на французский язык становится своеобразной литературной модой. К концу века были переведены практически все тексты древнегреческих авторов. Например, перевод на французский «Истории» Фукиды, который осуществил Клод де Сейссель, придворный хронист Людовика XII. Но подлинную эпоху в культурной жизни фран-

³ Geschichtsschreibung: Epochen-Methoden-Gestalten. Hrsg. J. Sigmaringen, Düsseldorf, 1968. S. 17.

цузского общества составила переводческая деятельность Жака Амио. Его перевод на французский «Жизнеописаний знаменитых греков и римлян» Плутарха вызвал резонанс, далеко выходящий за узко-филологические рамки. Один из крупнейших авторов того времени Мишель Монтень пишет: «Среди всех французских писателей я отдаю пальму первенства – как мне кажется, с полным основанием – Жаку Амио, и не только по причине непосредственности и чистоты его языка – в чем он превосходит всех прочих авторов, – или упорства в столь длительном труде, или глубоких познаний, помогших ему передать так удачно мысль и стиль трудного и сложного автора (ибо меня можно уверить во всем, что угодно, поскольку я ничего не смыслю в греческом; но я вижу, что на протяжении всего его перевода смысл Плутарха передан так превосходно и последовательно, что либо Амио в совершенстве понимал подлинный замысел автора, либо он настолько вжился в мысли Плутарха, сумел настолько отчетливо усвоить себе его общее умонастроение, что нигде по крайней мере он не приписывает ему ничего такого, что расходилось бы с ним или ему противоречило). Но главным образом я ему благодарен за находку и выбор книги, столь достойной и ценной, чтобы поднести ее в подарок моему отечеству. Мы, невежды, были бы обречены на прозябание, если бы эта книга не извлекла нас из тьмы невежества, в которой мы погрязли. Благодаря его труду мы в настоящее время решаемся и говорить, и писать по-французски; даже дамы состязаются в этом с магистрами. Амио – это наш молитвенник»⁴. Антонио Риккобони, один из авторов, чье сочинение было включено в двухтомник И. Вольфа «*Artis historicae Penus...*» (далее – АНР)⁵, прославился своим переводом «Поэтики» Аристотеля (1579 г.) и

⁴ Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том II. Гл. IV. Дела – до завтра! Пер. с фр. М., 1992. URL: <http://psylib.org.ua/books/monte01/txt061.htm>. Дата проверки 01 декабря 2013.

⁵ *Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa*, Basileae, ex officina Petri Pernaе, 1579

стал автором комментария к ней (1586)⁶.

В значительной мере политику в освоении исторического пространства Античности определяли не только переводчики, но и издатели. Об этом мы довольно подробно уже писали⁷. Тем не менее, напомним, что издательскими центрами античных авторов были города Венеция, Париж, Лион, Амстердам, Франкфурт, Базель. В Венеции античных классиков печатали больше, чем в Амстердаме в 1500 – 1549 гг., а в 1650 – 1699 гг. в Амстердаме больше, чем в Венеции. В Венеции сочинения очень многих античных писателей издал Альд Мануций. В типографии Этьенов увидели свет труды Аристотеля, Цицерона, «Римские древности» Дионисия Галикарнасского, истории Кассия Диона, Аппиана. В 1532 г. они напечатали тезаурус латинского языка в одном томе, а 1543 г. уже в трех томах. Тезаурус греческого языка в пяти томах, пополненный только в XIX в., был напечатан там же в 1572 г. Общий итог деятельности Анри Этьена составляет 58-латинских и 74 греческих автора (1561 г. – полный Ксенофонт, 1570 г. – Геродот, также изданы: Геродиан, Фукидид, Плутарх в 13 т., 1578 г. – полное собрание сочинений Платона). По существу, издания античных авторов XVI века оказались превзойденными только в XIX веке, когда с большей полнотой были собраны рукописи и выработаны приемы научной критики.

Для определения индекса обращений к античным авторам мы проанализируем три сочинения из АНР – разные по форме изложения: метод, рассуждения, диалог – трех авторов, принадлежащих к разным национальным историографическим традициям: Пецель – немецкая, Патриции – итальянская, Боден – французская⁸.

⁶ *Riccobono, A.* De poetica. In *Aristoteles Latine interpretibus variis* // Ed. *E. Kessler*. Berlin: Wilhelm Finck. 1995.

⁷ См., например: *Бобкова Марина*. Историческое знание в Западной Европе раннего Нового времени. Историографическая революция эпохи катастроф. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. С. 167-266.

⁸ *Ioan. Bodini Andigavensis*. Methodus historica // АНР, Т. 1. Р. 12; *Fr. Patritij*. Dialogi x. de Historia // АНР, Т.1. Р. 536-537; *Christophori Pezelii*. Oratio de historia // АНР, Т. 2. Р. 603, 614

Общая картина упоминаний и цитирования античных авторов (по преимуществу мы акцентировались на историках) по всем трем трактатам⁹, выбранным нами для анализа, выглядит следующим образом:

Таблица 1.

<i>1.</i>	<i>Автор</i>	<i>Кол-во упоминаний %</i>
2.	Аристотель	100
3.	Платон	91
4.	Публий Корнелий Тацит	76
5.	Плутарх	74
6.	Цицерон	55
7.	Полибий	44
8.	Диодор Сицилийский	38
9.	Тит Ливий	38
10.	Плиний Старший	34
11.	Геродот Галикарнаасский	32
12.	Дионисий Галикарнаасский	31
13.	Ксенофонт	30
14.	Иосиф Флавий	28
15.	Страбон	27
16.	Марк Порций Катон Младший	24
17.	Марк Порций Катон	24

⁹ Подсчеты велись при помощи калькулятора, в силу особенностей текста автоматический подсчет на компьютере применить оказалось невозможным. Наша методика основывалась на анализе текстовых особенностей источников. Мы учитывали не только упоминания имен собственных, но и безличные предложения, замену имен собственных местоимениями и пр. В таблице представлено процентное соотношение упоминаний, при том, что за 100% мы взяли упоминания самого успешного и цитируемого автора – Аристотеля. Все остальные упоминания рассчитывались от этого процентного показателя.

	Старший (Цензор)	
18.	Фукидид	21
19.	Гомер	16
20.	Мегасфен	16
21.	Аммиан Марцеллин	16
22.	Дион Кассий Коккеян	14
23.	Марк Юниан Юстин – 12; (Помпей Трог (Юний) - 2)	14
24.	Павсаний	13
25.	Мегасфен	12
26.	Гай Светоний Тран- квилл	12
27.	Аппиан Александрий- ский	10
28.	Феофраст (Теофраст)	8
29.	Эсхил	7
30.	Фест Секс Помпей	7
31.	Арриан Флавий	6
32.	Посидоний	5
33.	Гай Саллюстий Крисп	5
34.	Квинт Курций Руф	5
35.	Лампридий	5
36.	Вописк	5
37.	Тимей	4
38.	Веллей Патеркул	4
39.	Луций Аней Флор	4
40.	Капитолин	4
41.	Гелланик	3
42.	Исократ	3
43.	Ктесий Книдский	3
44.	Плиний Младший	3
45.	Геродиан	3
46.	Эллий Спартиан	3
47.	Гесиод	2
48.	Гекатей Милетский	2
49.	Силен	2
50.	Метродор Хиосский	2
51.	Каллисфен	2

52.	Филарх	2
53.	Лукиан из Самосаты	2
54.	Квинт Фабий Пиктор	2
55.	Гней Гелий	2
56.	Луций Целий Антипатр	2
57.	Секст Аврелий Виктор	2
58.	Гай Юлий Солин	2
59.	Эфор	1
60.	Феопомп	1
61.	Эратосфен	1
62.	Луций Кальпуриний Пизон Фруги	1
63.	Гай Семпроний Тудитан	1
64.	Волкаций	1
65.	Помпоний Мела	1

На основе проведенного нами анализа текстов, результаты которого приведены в *Таблице №1*, мы можем назвать античных авторов, наиболее часто упоминаемых и цитируемых в сочинениях об истории XVI в. Это – *Аристотель* «Никомахова этика», «Политика»; *Платон* «Государство», «Законы»; диалоги «Тимей», «Федр», «Пир»; *Тацит* «Германия», «История» в 14-и книгах, «Анналы» («История от смерти божественного Августа») в 16 книгах; *Цицерон* «Об ораторе», «Брут», «О государстве», «О законах», «О пределах Добра и Зла», «Тускуланские беседы», «О природе богов», «Об обязанностях»; *Плутарх* «Сравнительные жизнеописания»; *Полибий* «Всемирная история» в 40 книгах. Таким образом, мы можем представить динамику смены упоминаемых авторитетов в соответствии со сменой приоритетов целеполагания в создании сочинений об истории.

В эпоху Каролингов по мере институционального оформления христианства и превращения его в идеологическую и политическую силу происходила девальвация античного культурного наследия. «Упоминание в исторических сочинениях имени того или иного латинского автора не должно вводить в заблуждение. Например, Беда ссылается на труд Светония в качестве одного из своих источников. Однако реально его заимствования

восходят не к «Жизнеописанию двенадцати цезарей», а к «Истории против язычников». В эпоху Эйнхарда как *exemplum* воспринимается Светоний. «Жизнеописание Карла Великого» Эйнхарда основано на биографической схеме Светония¹⁰.

Итальянская гуманистическая традиция историописания активно опирается на сочинения Светония (опять же) и Плутарха, Ливия, Полибия.

Полибианская концепция становится одной из ведущих в историописании XVI в. Она базировалась на следующих концептуальных основаниях: 1. Знание истории обогащает нас опытом и скрашивает досуг¹¹, а учиться, как известно, лучше на чужом опыте¹²; 2. На основании прошлого можно предсказывать будущее¹³; 3. Да и вообще, указывает Полибий, «великолепно зрелище прошлого». Как истинный интеллектуал, он подходит к своему труду не только с научной, но и с эстетической точки зрения. Полибий ставил перед собой задачу — показать, «как, когда и почему все известные части земли попали под власть римлян»¹⁴. Причем, если отдельные войны и события излагались многими историками, то общей их картины, «сцепления» (*symploke*) событий еще не давал никто, и «это обстоятельство больше всякого другого побуждает и поощряет нас к нашему предприятию»¹⁵. Правда, он упоминает историка IV в. Эфора, «давшего первый опыт всеобщей истории» (V, 33, 2), но это была, собранная воедино история отдельных греческих полисов. К вопросу о преимуществах всеобщей истории перед историями отдельных событий, народов или стран ахейский историк возвращается неоднократно (II, 37, 4; III, 32; V, 31, 6; VIII, 4; IX, 21, 14). В середине II века до н. э., когда Полибий взялся описывать

¹⁰ См. статью *Сидоров А.И.* «Черная кошка в темной комнате»: Формирование традиций историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С 37-64.

¹¹ *Полибий*. Всеобщая история. V, 75, 6.

¹² Там же, I, 35, 7-8.

¹³ Там же, IX, 30, 8.

¹⁴ Там же, III, 1, 4.

¹⁵ Там же, I, 4, 1-2.

восхождение Рима к мировому господству, писание истории уже три столетия существовало как особая дисциплина со своими целями и методами и строго определенной сферой исследования. Однако у разных историков цели, методы и сферы были разными: одни писали «генеалогическую» историю о богах и героях – для «легкого чтения»; другие – о колониях, основаниях городов, родстве племен для любителей древностей; третьи – о деяниях (praxeis) народов, городов и правителей, предназначая свои труды для государственных деятелей (politikos) (IX, 1, 4). Сам Полибий, конечно, относил себя к третьей группе и называл свою историю «прагматической» (I, 35, 9; III, 47, 8; VI, 5, 2 etc.), т. е. ориентированной на описание военных и политических событий. Полибий впервые употребил этот термин. При этом Полибий называл свою «Историю» «аподейктической» (II, 37, 3; III, 31, 11-12), т. е. не просто изображающей события, но и объясняющей их причины и следствия, а также доказательства того или иного утверждения. Он подчеркивает, что знание истории приносит пользу лишь в том случае, когда изучены причины происшедшего (XII, 25, 2), а причину имеет каждое событие (II, 38, 5). Ее надо искать даже тогда, когда найти ее трудно или даже невозможно (XXXVII, 9, 12).

Если проанализировать частотность упоминаний по отдельным авторам, то картина несколько изменится. В данных таблицах представлено количество упоминаний в количественной шкале (Таб. 2, 3, 4).

Таблица 2

КРИСТОФ ПЕЦЕЛЬ
«РАССУЖДЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ», 1557 г.
(от >100 до 40 упоминаний)

1. АРИСТОТЕЛЬ	140
2. ПЛАТОН	106
3. ЛИВИЙ	90
4. ТАЦИТ	85
5. ПОЛИБИЙ	82
6. ФУКИДИД	60

Таблица 3

ФРАНЧЕСКО ПАТРИЦИ
«ДЕСЯТЬ ДИАЛОГОВ ОБ ИСТОРИИ», 1560 г.
(>40 до 20 упоминаний)

1. АРИСТОТЕЛЬ	43
2. ПЛАТОН	38
3. ПОЛИБИЙ	32
4. ЛУКИАН	26
5. ФЕОФРАСТ	21
6. ПЛИНИЙ СТАРШИЙ	20

Таблица 4

ЖАН БОДЕН
«МЕТОД ЛЕГКОГО ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ», 1566 г.
(от>100 до 40 упоминаний)

1. АРИСТОТЕЛЬ	102
2. ПЛАТОН	91
3. ТАЦИТ	76
4. ФУКИДИД	74
5. ЦИЦЕРОН	55
6. ПОЛИБИЙ	44

Представленные таблицы позволяют выявить сходства и различия, зафиксированные в рядах упоминаний трех историографических традиций. Все три автора активно обращаются к сочинениям Полибия. Франческо Патрици, труд которого больше всего ориентирован на гуманистическую традицию историописания, использует Лукиана («Как следует писать историю»). Пецель и Боден, заинтересованные в обосновании национальной самоидентичности, активно обращаются к Тациту. Фукидид, воспринимавшийся как основоположник аналитического историописания, привлекал внимание и Пецеля, и Бодена, основной целью работ которых являлся поиск исторических закономерностей.

Количественный показатель дает нам полное представление о круге известных в XVI в. античных историков. Но интересен и контекст, в котором упоминались эти авторы. Поэтому, логичным представляется вопрос о том, как выстраивались персонализационные ряды в анализируемых нами текстах «Исто-

рий...»? Приведем ряд примеров:

«...когда Греция произвела на свет все, что она имела славного в словесности, военном деле и всех прочих искусствах, когда жили *Платон, Ксенофонт, Исократ, Еврипид, Демосфен, Аристотель, Феофраст*, а также многие знаменитые полководцы и ваятели; во времена Августа, когда Италия стала могущественной империей, которая включала в себя лучшие области мира и в которой во всех областях было достигнуто то же великолепие, как некогда в Греции: она дала нам *Цезаря, Помпея, Цицерона, Варрона, Саллюстия, Тита Ливия, Горация, Овидия*»¹⁶.

«...*Аристотель и Платон* утверждают, что на протяжении долгого времени различные вещи были многократно изобретены и вновь забыты, и так будет всегда»¹⁷.

«... Короче говоря, я познал бы все дела нашего времени, чтобы рассказать о них будущим поколениям посредством правдивой истории, по примеру древних, которые первыми прославились, создавая подобные произведения. Такими были *Фукидид, Саллюстий и Тит Ливий*, которых я выбрал бы в качестве образцов для подражания. Я взял бы от каждого из них самые выдающиеся достижения и приспособил бы их для описания современных явлений на нашем родном языке, так же, как они творили на своих»¹⁸.

Практически все сочинения об истории XVI в. содержали эссе «О Фукидиде» Дионисия Галикарнасского. Известно, что несколько античных авторов писали диалоги «Об истории»: Феофраст, Праксифан и Варрон. До нас дошло только три подобных трактата: «О Фукидиде» Дионисия Галикарнасского, «О злокозненности Геродота» Плутарха и «Как следует писать историю» Лукиана.

В «Письме к Помпею» Дионисий Галикарнасский следующим образом сопоставляет Геродота и Фукидида (заметим, сравнение не в пользу последнего): В сочинении «О Фукидиде» Дионисий Галикарнасский начинает свое повествование с авто-

¹⁶ *Christophori Pezelii*. Op. cit. // АНР, Т. 2. Р. 610.

¹⁷ *Ioan. Bodini Andigavensis*. Op. cit. // АНР, Т.1, Р. 254

¹⁸ *Le Roy L.* Consideration sur l'histoire françoise et universell de ce temps, dont les merveilles sont succinctement recitees. Lyon, 1567. Р. 49.

ров местных историй и хроник, которые писали незатейливым языком и использовали материалы из храмов, архивов и т.п. Следующий шаг – Геродот, который к этому материалу приложил литературный стиль и инкорпорировал все эти истории в некий универсальный рассказ. Фукидид, хотя и находился под влиянием Геродота, двинулся в другом направлении, рассмотрев не деяния греков и варваров, но одну войну, во время которой он жил. Все последующие историки давали только вариации подходов двух основателей и лучших представителей жанра¹⁹.

XVI век писал историю под девизом Дионисия Галикарнасского: «Фукидид – величайший из всех историков». На наш взгляд, это весьма показательно в плане оценки смены познавательной парадигмы в отношении к прошлому мыслителями XVI в. Греческих историков Средневековье не знало. Их «открыло» Возрождение, которое первоначально актуализировав римских авторов, с кризисом и гибелью Византии, все больше воспринимало греческую традицию историописания. На протяжении всей эпохи Возрождения наиболее авторитетным классическим историком был Геродот-«отец истории». Это вполне объяснимо: Геродот – мастер стиля, «знает, где начать и где закончить»²⁰.

Оба историка являются предшественниками двух современных направлений историописания: «диалогичного» (Геродот) и «монологичного» (Фукидид). При этом Геродот придерживался «литературно-риторического» подхода в описании событий прошлого, а Фукидид – собственно «исторического», аналитического. Последний был, несомненно, историком-теоретиком и считал, что факты (пусть вполне объективно описанные) должны обязательно соответствовать теоретическим построениям. Геродот же представлял «эпическую» историографию. Именно в XVI в. обращение к истории обретает новый смысл: история формируется как дисциплина, разрабатываются пути и способы ее изучения. Когда события прошлого излагаются как бы происходящими в настоящем времени и в непо-

¹⁹ *Dionysii Halicarnassei de Fhucydidis historia indicium*, ad Q. Aelium Tuberonem, *Andrea Duditio*, interprete // AHP, T.1. P. 939-946.

²⁰ *Patritii Dialogi X de Historia* // AHP, T.1. P. 399.

средственной близости от рассказчика, повествование уступает место непосредственному изображению действия. Этот вид повествования преимущественно предпочитает Фукидид. Обычно отмечается, что главными источниками сообщений Фукидида было его собственное присутствие на месте происходивших событий и сообщения других свидетелей событий. Фукидид воспринимался как первый историк современности, о котором было известно XVI веку, да и нашему тоже.

С точки зрения развития исторической мысли «История» Фукидида представляет собой большой шаг вперед по сравнению с предшествовавшим ей трудом «отца истории» Геродота. Собственно, только начиная с Фукидида можно говорить о рождении подлинно научного метода в античной историографии. Большую заслугу афинского историка составляет его критический подход к находившимся в его распоряжении свидетельствам, стремление выбрать из них наиболее достоверное. Не имеет прецедента в греческой исторической науке доведенный до предела рационализм Фукидида, его попытка дать естественное, материальное объяснение любого события, полностью отказаться от мифологических представлений, от веры во вмешательство божественных сил в ход истории. В этом Фукидид близок современной ему медицинской школе Гиппократу.

Сочинения Фукидида оказываются востребованными, тогда как Геродоту выносят суровый приговор как «отцу лжи»:

«... *Геродот* умеет выбрать сюжет, построить композицию...но в его сочинениях нет ничего общего с правдой»²¹.

«...Моя цель – добыть правдивый материал – именно то, недостаток чего Фукидид и Плутарх критиковали в Геродоте. Я удивляюсь, почему Цицерон назвал его «отцом истории», тогда как древние авторы обвиняли его в фальсификациях, во лжи. Неодобрение сдержанного стиля писателя еще не является основанием для обвинения его в неправдивости, я даже думаю, что в основе сдержанности всегда лежит правда. В работах Геродота есть красноречие и обаяние ионической грации, очень много свидетельств старых времен и много вещей, описанных

²¹ *Ioan. Ant. Viperanus. de scribenda Historia* // АНП, Т.1, Р. 895.

им правдивее, чем это делалось в более поздние времена. Среди писателей, которые повествуют о событиях современной им истории, необходимо особенно выделить наиболее правдивых. В эту группу я думаю включить Фукидида, Саллюстия, Ксенофонта, Коммина, Гвиччардини, Цезаря, Слейдана»²².

«...Но когда Геродот передает услышанные им сказки, его книга становится просто романом, похожим на милетские басни. То это Кандавл, который показывает свою жену совсем нагой своему другу Гигесу, а женщина из скромности не оставляет Гигесу иного выхода, как убить ее мужа и жениться на вдове или погибнуть. То это дельфийский оракул, который угадывает, что в тот момент, когда он говорит, Крез в ста милях от него велит сварить черепаху в бронзовом сосуде... Время так дорого, а история столь необъятна, что надо избавить читателей от подобных басен и наставлений»²³.

Существующие и очень распространенные в переходную эпоху оценки Геродота послужили источником для названия протестантского памфлета-сатиры Анри Этьена *«Апология Геродота»*²⁴, за которую его стали называть «женевский Пантагрюэль», а Кальвин выразился о нем, что он религию «повернул на раблезианский лад» (*tournoit à la rabelaiserie*). Сочинение это действительно написано в раблезианском стиле и выдержало 13 изданий (в последний раз – в 1735 г.). Судя по названию, оно могло бы представлять собой защиту Геродота от нападок. В действительности же это злая сатира на нравы XVI в. Если в сочинениях Геродота для людей того времени многое представлялось невероятным, то, с другой стороны, и современность XVI в. покажется потомкам столь же невероятной.

Правила изложения истории, поиск причинно-следственных связей в историческом процессе, попытки применить опыт прошлого для решения современных ситуаций – все это характеризовало отношение Фукидида к истории и было актуализировано в сочинениях об истории XVI в.

²² Ioan. Bodini Andigavensis. Op. cit. // АНР, Т.1, Р. 32.

²³ История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера // Перевод и прим. Н.В. Ревуненковой, Отв. ред. А.Д. Люблинская. Л.: Наука. 1978. С. 13.

²⁴ Henri Estienne. Traite preparatif a l'Apologie pour Hérodote. P., 1566.

Кроме того, заметим, что сочинения Фукидида представляли собой практически идеальную модель изложения истории современности. На наш взгляд, популярность и успех Фукидида-историка в этот период предвосхитил и в значительной степени подготовил расцвет мемуаристики в XVII в. Эту тему в данной работе мы разворачивать не будем, потому что на наш взгляд, она заслуживает отдельного и серьезного исследования.

Фукидид рассматривался как некий образец *изложения* материала (это не литературный стиль, но подход к изложению событий). XVI век истории, в смысле простой фиксации событий, практически уже не писал, он *размышлял* о том как историю следует использовать и соответственно, как ее следует воспроизводить.

XVII век словно «забывает» все усилия своих предшественников из XVI века. Как ни парадоксально, но именно благодаря картезианцам Геродот удивительным образом снова вошел «в моду» в качестве «отца истории». Это с одной стороны. А с другой, мы не можем не отметить, что в сочинениях, так или иначе касающихся истории, в XVII – XVIII вв. происходит полная смена ряда упоминаемых авторов. В связи с изменением общей познавательной парадигмы на первое место выдвигаются сочинения Птолемея, Страбона и Плиния²⁵.

Трактат Антонио Риккобони основывается и большей частью состоит из цитат сочинений античных авторов: Катона, Квинтилиана, Саллюстия, Варрона, Фабия Пиктора и др. – всего 27 авторов²⁶. Посторонние книги и подборка цитат соответствуют цели Риккобони, которая состоит в том, чтобы показать отличия истории от риторики и поэзии. Объем трактата составляет 402 страницы, отметим, что во 2 томе АНР, хранящемся в Музее книги РГБ, 200 страниц именно этого сочинения впервые были разрезаны лишь автором настоящей диссертации. То есть при общей потрепанности томов АНР, зачитанности большего коли-

²⁵ Nadel G.H. Philosophy of History before Historicism / in History and Theory № 5 (1964), P. 291-315.

²⁶ Antonius Riccobonus de Historia et de ea veterum fragmenta recens adjuncta // АНР, Т. 2. Р. 81-508 (в трактате, действительно, 402 страницы, при этом нумерация не является сплошной).

чества страниц, почти половину сочинения Риккобония более чем за 450 лет не читал никто, а это те самые страницы, где изложены цитаты из Квинтилиана и Катона. Таким образом на протяжении нескольких веков читатели показывали свое отношение к этим авторам.

Проведенная нами работа убеждает в том, что интеллектуалам XVI в. было известно практически все то историографическое наследие, что известно и современному исследователю. Только восхищение может вызывать, упоминание в сочинениях XVI в. античных историков, причисляемых нами к «малым анналистам». В связи с этим хотелось бы отметить, что недостаточно обобщенным и, в определенной степени, недооцененным (особенно в отечественной историографии) представляется тот прорыв в презентации античных историков, который был совершен переводчиками и комментаторами XV – XVI вв. Еще раз подчеркнем, что своеобразные «индексы цитирования» переходной эпохи изменялись вместе со сменой познавательных практик в изучении прошлого: от Квинтилиана, Ливия к Полибию, Фукидиду; и от них – к Геродоту и Страбону.